

- ⁶⁰ Там же. Д. 1465. С. 36; Д. 1108. С. 27; Д. 1176. С. 14.
- ⁶¹ Там же. Д. 1108. С. 27—28.
- ⁶² Там же. Д. 1176. С. 14.
- ⁶³ Там же. Д. 1452. С. 20.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1465. С. 34; Д. 947. С. 4.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1464. С. 43.
- ⁶⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. раб.
- ⁶⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. раб. С. 446—450.
- ⁶⁸ ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1176. С. 13; Д. 947. С. 4; Д. 1465. С. 37; Д. 146.
- ⁶⁹ Там же. Д. 977. С. 16; Д. 947. С. 4.
- ⁷⁰ Там же. Д. 977. С. 16.
- ⁷¹ Там же. Д. 947. С. 6; Д. 915. С. 14.
- ⁷² Там же. Д. 915. С. 14.
- ⁷³ Там же. Д. 915. С. 14.
- ⁷⁴ Там же. Д. 1108. С. 16.

Matrimonial Peasant Traditions in South Russia Provinces in the late 19th century

The article contains a description of peasant matrimonial traditions, based on archival data. The author compares some aspects of matrimonial institutions, like the folk concept of marriage, marriage preconditions, pre-marriage agreement, modes of marriage and break of marriage. It is stressed out the correlation between marriage sanctioned by the church and the peasant traditions. A conclusion about stability of the peasant marriage tradition and its adaptability to the development of Russia in the 2nd half of the 19th century is made.

S. S. Kryukova

© 1992 г., ЭО, № 4

Н. А. Та д и н а

ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА И РИТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Исследование традиций каждого народа приобрело в наши дни особое значение, поскольку очень возрос интерес к проблемам экологии культуры. Церемониал заключения брака у алтайцев в его современном виде — это результат взаимодействия большого количества стадийно различных, разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности: генетические, функциональные и т. д. В этом смысле в традиционной свадьбе отражена эволюция семейно-брачных отношений (структура семьи, формы заключения брака). В ней сохранились многочисленные пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, отголоски древних обрядов и обычаев. Именно обрядовая жизнь наиболее полно отражает важнейшие этапы деятельности людей, их социально-правовые отношения, морально-этические взгляды.

Предлагаемая статья посвящена алтайцам — одному из тюркоязычных народов Южной Сибири. Этнические группы с самоназванием «алтай-кижи», живущие в Шебалинском, Онгудайском, Усть-Канском и Усть-Коксинском районах, и «теленгит» — в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Горный Алтай представляют собственно алтайцев или в этнографическом отношении южных алтайцев.

Изучая семейно-брачные отношения в истории человечества, Ф. Энгельс отождествлял форму брака с формой семьи¹. Этот подход был использован Э. Гершельманом: «Переходя к вопросу о браке среди алтайцев, можно констатировать, что основной формой ныне существующего брака является индивидуальный парный брак, причем, почти как правило, моногамный»². Здесь речь идет главным образом, как нам кажется, о формах семьи. Под «формой заключения брака», на наш взгляд, следует понимать условия, при которых заключался брак.

Данный вопрос (на материалах этнографии южных алтайцев) по-разному освещался в литературе. Е. М. Тошакова выделила «четыре формы заключения брака: сватовство — „кудаа“, „тудуп апарган“ — умыкание без согласия девушки; „качып апарган“ — убегом и „баланы тойлогон“ — брак малолетних»³. В. П. Дьяконова писала, что «почти для всех этнических групп алтайцев можно отметить оформление браков несколькими путями, а именно: сговор, похищение невесты с уплатой калыма, отработка зятем в доме родителей невесты»⁴. Н. И. Шатинова добавляет к этому: «... сговор родителей при малолетстве детей» и «умыкание невесты, которое могло быть насильственным или по предварительной договоренности с девушкой»⁵. Н. П. Дырнкова отмечала, что предпочитались браки между кузенами, которые заключались в любом возрасте детей: «Женитьба на дочери брата матери считалась... делом хорошим, а в некоторых местах такой брак был почти обязательным»⁶. Приведенные замечания лишь констатировали способы заключения брака, не выявляя их отличия друг от друга.

В настоящей статье я использовала этнографический материал, собранный в районах расселения алтай-кижи и теленгитов за время полевых сезонов с 1987 по 1990 г. путем наблюдения и опроса информаторов. Полевые материалы переданы мною в архив НИИ МАЭ РАН (бывшей Ленинградской части Института этнографии)⁷.

В развитии семейно-брачных отношений одним из важнейших элементов является родовая экзогамия. Южные алтайцы до настоящего времени строго соблюдают брачные запреты. Принадлежность к патрилинейному сеоку⁸ определяет нормы вступления в брак. Согласно экзогамным правилам, браки между представителями одного сеока или родственных сеоков-карындаш⁹ не допускались. Нарушение такого обычая — *алышпас* — расценивалось как недопустимое.

Общей чертой семейного быта алтайцев являлась большая прочность родственных связей. Женитьба сына или замужество дочери считались важным событием в любой семье. (В создании новой семьи принимали активное участие обе брачащиеся стороны.) На протяжении второй половины XIX — начала XX в. существовали различные формы заключения брака. Как сообщают наши информаторы, а их сведения подтверждаются результатами исследований алтайского эпоса С. С. Суразакова¹⁰, браку умыканием предшествовал брак, заключенный по предварительному согласию родителей обеих сторон: сговор еще не родившихся детей, колыбельный сговор, сговор малолетних, сговор подрастающих детей, а также достигших брачного возраста.

Бытовал обычай сговора еще не родившихся детей. Если после этого в двух семьях рождались дети разного пола, то отец мальчика в знак подтверждения договоренности делал подарок родителям девочки, те устраивали угощение, скрепляя этим будущий брак. Если рождались дети одного пола, то они становились побратимами, а их родители старались остаться друзьями, сохранить хорошие отношения. Если в семье рождались близнецы (*игис балдар*), то брать в жены родных сестер или выходить замуж за родных братьев запрещалось. Жен следовало брать из разных семей и из других, не родственных сеоков.

Многодетность считалась большим счастьем для алтайской семьи. С раннего детства родители приучали детей к труду, учили правилам поведения в семье и обществе, воспитывали послушание и почтение к старшему поколению. Мать обучала дочерей рукоделию и умению вести хозяйство и, таким образом, готовила их к предстоящей замужней жизни. К семейной жизни и самостоятельному

ведению хозяйства готовили и сыновей. Они обучались мужским работам: различным промыслам, охоте, способам забоя скота и прочим занятиям. К юноше (*бойдон уул*), намеревавшемуся жениться, предъявлялись определенные требования, относящиеся главным образом к его деловым качествам.

Отношения между молодыми людьми, особенно в присутствии посторонних лиц, тем более старших, отличались сдержанностью. Между девушками и юношами одного рода запрещались не только браки, но и малейшая вольность в обращении друг с другом, отклонения от этических норм. Девушкам была свойственна скромность. Целомудренности придавалось большое значение. Родители ограничивали развлечения взрослой девушки (*шанкылу бала* — девушка брачного возраста, имеющая нагосное украшение — *шанкы*). Если девушка рожала внебрачного ребенка (*сураз*), что считалось большим позором для семьи, то это во многом осложняло ее выход замуж.

Освещая экзогамные нормы у южных алтайцев, исследователи в основном подчеркивали позицию юноши, который не имел права жениться на девушке того ссока, к которому принадлежал сам, а также на девушке из родственного ссока-карындаш". Наши материалы позволяют в известной степени уточнить это верное положение. Согласно алтайской традиции, юноша был обязан жениться на избранной его родителями или им самим девушке, за которой тем не менее сохранялось право отказа или согласия на брак. При этом желательным считался выход замуж за представителя ссока матери невесты или матери ее матери, т. е. за представителями материнского — *таай* ссока.

Наши информаторы отмечали, что вступление в брак по достижении брачного возраста (для юноши — 18—20 лет, а для девушки — 16—18 лет) разрешалось только по старшинству. После наступления брачного возраста помолвленных детей до обряда бракосочетания проходило некоторое время, обычно от 1 до 1,5—2 лет. В течение этого времени по обычаю, называемому *күйулен Гүер* (зятьеваль), жених переселялся в айил (жилище) родителей невесты, с которой в сожителство не вступал. Поведение жениха в доме родителей невесты отличалось скромностью. Вероятно, этот обычай можно расценивать как своеобразный пережиток матрилокального поселения брачной пары. Однако смысл его не был связан с отработкой будущей жены, а заключался в оценке родителями невесты трудовых навыков и способностей будущего зятя. По традиции, жених дарил невесте *илу бос* — ткань для подвешивания в юрте — 15—20 м в длину и состоящую из белого (*ак*), желтого (*сары*) и голубого (*чанкыр*) кусков. Эта цветовая символика означала, что девушка в данной семье уже просватана.

Брак у южных алтайцев считался обязательным. Никто не должен был оставаться вне брака. Безбрачные — старые девы и холостяки — обычно не имели своего айила, и положение их в семье было в сущности бесправным. Только женатые (*кижилу*) и замужние (*кижиде*) приобретали авторитет и влияние в обществе. Согласно обычному праву, женатый сын мог отделиться от родителей в том случае, если один из еще не женатых братьев готовился к женитьбе. Отделившись, сын получал определенную часть имущества родителей. Только единственный или младший сын, женившись, должен был жить со своими родителями и унаследовать их хозяйство.

Наши информаторы помнят по рассказам своих родителей об обычае визита жениха и его родственников в айил родителей девушки для обсуждения условий брака. Такой обычай мог существовать во второй половине прошлого века. Это ранняя форма обычной сватовской поездки.

Важное значение для родственников жениха имел вопрос выбора невестки. Когда юноша достигал брачного возраста, то родители старались присмотреть для него подходящую девушку. Возможная кандидатура подробно обсуждалась на семейном совете. Наиболее желаемыми семьями были те, которые отличались среди сородичей добрыми делами и нравственностью. Учитывалось материальное

состояние и деловитость семьи девушки, ее личные качества: трудолюбие, гостеприимность, внешние данные.

Обычно юноша не имел права сопротивляться и отказываться (*мойножып*) от женитьбы. Отец и сын присажали в семью, которая имела девушку на выданье. В это первое посещение никаких подарков с собой не приносили, хозяева тоже встречали их как обычных гостей. Только после угощения отец юноши начинал разговор издалека. Согласно сложившимся веками этическим нормам, родители девушки не сразу давали согласие, не выражали свою радость, даже если видели, что девушка согласна выйти замуж за приехавшего юношу. Обычно они ссылались при этом на неожиданность предложения, на необходимость посоветоваться с родственниками, если были склонны согласиться на брак дочери. Бывали случаи, когда родители девушки не хотели иметь ничего общего с семьей юноши. Тогда, согласно обычаю гостеприимства, процедура приема соблюдалась, но пришедшим давали почувствовать, что их предложение отклоняется.

Необходимо обратить внимание на условность языка этих переговоров. Если отъезжающим гостям родители девушки говорили, например, «Присажайте, когда вам будет удобно», это означало их согласие на брак. Неопределенность фразы: «Мы через кого-нибудь пригласим вас» — означала отказ. Следует подчеркнуть, что в церемонии сговора важную роль играли не только условность языка, на котором велись переговоры, но и поведение участников, набор предметов, выступавших в качестве подарков. Как известно, вещи несли информацию о намерениях пришедшего¹². Тем временем родители девушки в свою очередь обсуждали данный вопрос со своими родственниками, выясняли различные подробности о семье жениха, выслушивали мнение дочери и т. д.

Во второй раз отец и сын приезжали в сопровождении нескольких родственников. Ими могли быть дядя жениха со стороны матери, мать жениха, его старший брат с женой. Если хозяева встречали прибывших дружелюбно и разговаривали по-родственному, это означало, что своего решения о согласии на брак они не изменили. Если родители девушки встречали жениха и сопровождавших его формально следуя обычаю — устраивали пышное угощение и потчевали гостей, чтобы не обидеть их, а перед отъездом юноше повязывали пояс из нескольких метров ткани, как гостю, и даже могли подарить ему коня, то это являлось условным знаком отказа в данном браке.

Регламентировалось расположение всех присутствующих при заключении брака по предварительной договоренности обеих сторон. Как правило, хозяева, т. е. родители девушки, никогда и никому не уступали своих почетных мест между очагом и *тор* — почетным местом, напротив входа, за очагом: отец на мужской, а мать на женской половине юрты. Родителей и родственников юноши принимали как гостей и сажали на почетные места для гостей, находящиеся посередине около очага, соблюдая деление пространства жилища: мужчины налево от входа, а женщины — направо. Невесте как члену семьи полагалось сидеть недалеко от своей матери, а жениху за спиной своего отца или дяди; таким образом, будущие новобрачные оказывались вне круга сговора. Жених и невеста по отношению друг к другу находились по диагонали: жених сидел ближе к выходу, а невеста ближе к *тор* — их как бы связывал очаг — символ родового огня.

Существовал другой вариант сватовского сговора, зафиксированный В. И. Вербицким и В. В. Радловым во второй половине XIX в., когда юноша по собственной инициативе присматривал себе невесту и посылал к ее родителям сватов. Ими могли быть отец жениха, дядя его по матери, старшие братья. Процесс сговора и размещение участников аналогичны сговору в присутствии жениха. При этом В. В. Радлов отметил существовавший обычай посещения («Жених может посещать невесту (сыргалы), но имеет право оставаться в юрте лишь до вечера»¹³), на наш взгляд, оставшийся как пережиток более раннего обычая *күйүлөп йүрөр — зятёвать*.

Анализ полевых материалов автора свидетельствует о том, что на рубеже XIX—XX вв. совместные поездки жениха с его родителями или только сватов в айил девушки сменились поездками самого жениха.

Обычно на молодежных играх родственницы юноши напутствовали его сватать невесту, например, следующей песней:

Ак боронын балазын,
Эртеп минзен ат болор.
Ада-эненин балазын,
Эптеп айтсан эш болор.
Эриненин балазын
Эртеп минзен ат болор.
Эне-аданын балазын,
Эптеп айтсан эки болор ¹⁴.

Жеребенка светло-серой (лошади)
Оседлаешь — конь будет.
Родителей дочь,
Складно скажешь — твоею будет.
Жеребенка благородной (лошади)
Оседлаешь — конь будет,
Родителей дочь
Сговоришь — двое будут (т. е. жена
и ребенок) ¹⁵.

Родители избранницы могут не подозревать, а могут и понять намерения юноши, но в любом случае, согласно обычаю гостеприимства, должны угостить его, спросить о здоровье его родителей и вести разговоры о последних новостях. Как правило, приехавший юноша о цели своего визита не сообщал. Если в результате своей поездки в айил девушки юноша окончательно решал жениться, то сговор осуществлял либо он сам, либо по его просьбе жена старшего брата, или, по другим сведениям, дочь сестры его отца, для которой жених является *таай*.

Сговор (*состой*) обычно совершался на молодежных играх. Разговор велся иносказательно и сопровождался игрой на музыкальных инструментах. Существовало выражение: «... если девушка умна, то душою поймет по звуку инструмента совершаемый сговор» ¹⁶, обычно обещающий благополучную и счастливую замужнюю жизнь. Один из вариантов таких песен:

Мындый соокту кизи эди,
Сынып суску тутпазын,
Чойилип иш этпезин,
Керилип кирке тутпазын.
Малы кара айгырлу болор,
Кара майман журту болорын,
Аракту торко кийерын,
Арылу булгайры кийерын ¹⁷.

Такого сеока человек (молодой),
(У которого) наклонившись, ковш не
будешь поднимать,
Натужившись, работу не будешь
выполнять,
Нагнувшись, кирку не будешь брать.
Скот с черным жеребцом будет,
Семью сеока кара маймана будешь
иметь,
Шелковые одежды будешь носить,
Из булгайры-кожи (обувь) будешь
носить.

Сговор девушки велся секретно и мог длиться год и более. Если девушка не соглашалась выйти замуж, то брак не осуществлялся. Но если она не давала конкретного ответа, это означало возможность положительного решения. Скорое согласие на брак считалось неприличным.

Юноша, установив по поведению избранницы или в непосредственном общении ее отношение к нему, объявлял ей о намерении жениться на ней. Обычно это совершалось втайне. В качестве гарантии своей верности он давал девушке залог (такой дар у теленгитов назывался *белек*, а у алтай-кижи — *сий*): кольцо, перстень, пуговицу для накового украшения и т. п. обязательно в сопровождении песни, например:

Тана-топчы берейин,
Танып јурсен, кооркийим.
Такып созин айдайын,
Ундубазан, кооркийим.
Кумуш тана берейин,
Танып јурсен, кооркийим.
Кунсегеним айдайын,
Ундубазан, кооркийим ¹⁸.

Перламутровые пуговицы подарю,
Пришив, носи, моя милая.
Повторяя, слова скажу,
Не забудь, моя милая.
Серебристые пуговицы подарю,
Пришив, носи, моя милая.
От всей души скажу,
Не забудь, моя милая.

Подобные песни исполнялись неоднократно, пока девушка не давала своего согласия на замужество. Это она также выражала песней, например:

Канча Ёузун тананы,
Тагынарим, кооркийим.
Кару созин чын болзо,
Сананарим, кооркийим.
Сегис кокчо учукла,
Коктонорим, кооркийим.
Сууген созин чын болзо,
Чокотпозим, кооркийим

Сколько разных пуговиц
Носить буду, мой милый
Дорогое слово (твое) правда если,
Подумаю, мой милый.
Восьмью связками ниток,
Вышивать буду, мой милый.
Любимое слово (твое) правда если
Не разочарую, мой милый.

После того как девушка согласилась (сөскө кирген — буквально «вошла в слово»), жених или представитель со стороны жениха договаривался о месте и времени встречи для символического ее умыкания.

В назначенный вечер к родителям невесты посылался человек, оповещавший о мнимой болезни близких или пропаже скота и необходимости его поиска и просивший послать их дочь на выполнение этих дел. Родители, догадываясь об истинной причине визита, делали вид, что это посещение им неприятно. Аналогичную ситуацию на кавказском материале дает Я. С. Смирнова: «По форме брак уходом не отличался от других форм похищения. В одних случаях жених и невеста уходили тайком, в отсутствие родных девушки; в других — ее близкие, хотя и знали заранее о дне и часе ухода, выбегая во двор, звали на помощь, стреляли в воздух, инсценировали неудачную погоню. Затем инсценировали примирение и следовала скромная свадьба. Это был особый тип умыкания: по существу легализированный, он в силу традиций пока еще прикрывался фикцией нелегальности»²⁰. Иногда невеста, крадучись, тайком от родителей и посторонних лиц, могла сама прийти вечером в назначенное место. Согласно сложившемуся этикету, она должна была встретить приехавших за нею жениха и его друзей скромно: не кричать, не смеяться и не показывать свою радость. Так происходило умыкание невесты по ее согласию.

Предположение о возможности существования пережитков древних форм заключения брака подтверждается данными этнографии разных народов²¹. Оно было теоретически разработано Э. Тайлором, А. Н. Максимовым, Л. Я. Штернбергом²². Алтайские материалы подтверждают их классификацию, подразделяющую форму заключения брака на насильственное похищение девушки и умыкание невесты с ее согласия, но без ведома родителей. Очевидно, форма заключения брака — умыкание по согласию невесты (*качырып апарганы*, дословно — умыкнув, увезли) является более поздней по происхождению, что было подчеркнуто С. А. Токаревым²³. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что у южных алтайцев в конце XIX — начале XX в. брак заключался преимущественно этим путем. Э. Гершельман писал: «Невеста у алтайцев обычно умыкается. Вероятно, до 80% браков среди алтайцев-кочевников совершается при помощи похищения невесты... оно совершается сейчас в большинстве случаев с согласия невесты, по предварительному тайному сговору с ней»²⁴.

Случаи насильственного похищения девушки были крайне редки. Такое умыкание называлось *тудуп апарганы* (дословно — «схватив, увезли»). Девушку увозили на лошади способом, называемым *онүрип*: перебрасывали поперек седла лицом вниз.

В литературе есть сведения о сравнительно необычных случаях, когда родители женили сына-подростка на совершеннолетней девушке²⁵. Наши информаторы подтвердили, что такие браки имели место, но они не являлись традиционными, а поэтому были редки. По материалам Н. П. Дыренковой 1920-х годов было отмечено существование «обычая совместной жизни взрослой невестки со своим свекром во время малолетства мужа, причем дети их считались детьми мужа, а не отца»²⁶. Однако во время наших полевых поездок это сообщение Н. П. Дыренковой подтвердить не удалось. Такое сожителство считалось недопустимым, так как, по объяснениям информаторов старшего поколения, оно противоречило

традиционному обычаю избегания невесткой в первую очередь отца мужа и его старших братьев. Следует отметить, что причину заключения такого, «неестественного» с нашей точки зрения, брака малолетнего мальчика со взрослой девушкой С. П. Швецов и Н. П. Дыренкова объясняют экономическим состоянием хозяйства, нуждающегося в рабочей силе в лице невестки. Действительно, во второй половине XIX в. скотоводческое хозяйство южных алтайцев окончательно пришло в упадок в результате сокращения поголовья скота, вызванного политикой насильственного перевода кочевников на оседлость, о чем критически сообщалось исследователями того времени ²⁷.

Итак, по имеющимся материалам автора, выявлены две формы заключения брака. Наиболее ранней являлась форма заключения брака по предварительной договоренности родителей обеих сторон. При этом в предсвадебный период соблюдался обычай «күйүлөп Гүрер» — «зятьевать» как остаточное явление матрилокального брака (до середины XIX в.).

Переход к ныне существующей форме заключения брака — символическому умыканию невесты прошел, по нашим данным, следующие этапы: 1) сватовские визиты с женихом (вторая половина XIX в.); 2) сватовские визиты без жениха (последняя четверть XIX в.); 3) неофициальные поездки жениха (конец XIX — начало XX в.).

Естественно, хронологические границы даны условно — речь может идти в первую очередь о преобладании тех или иных форм заключения брака в данный период. Для первых двух этапов был характерен досвадебный обычай посещения женихом невесты, оставшийся от обычной «зятьевать». На последнем этапе имел место сватовской сговор девушки с последующим ее умыканием.

При любом способе заключения брака основной его формой является «брак по сватовству», который фиксировался более или менее полным исполнением традиционного свадебного церемониала. Основной причиной такой приверженности можно считать силу традиций, заложенных в представлении народа о свадьбе как правомочном акте оформления брака, согласно которым благополучие новобрачных зависело от правильности и последовательности совершения свадебных обрядов при строгом соблюдении ритуальных норм поведения.

Примечания

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 40—52, 77.

² Гершельман Э. Обычный уклад семейных отношений алтай-кижи // Революция права. 1929. № 4. С. 135.

³ Тоцакова Е. М. К вопросу о традиционной свадебной обрядности телесов и теленгитов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 82.

⁴ Дьяконова В. П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 19.

⁵ Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. С. 50, 53.

⁶ Дыренкова Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Сов. этнография. 1937. № 4. С. 27.

⁷ Архив НИИ МАЭ им. Петра Великого РАН. Фонд К 1. Оп. 2.

⁸ Сеок — патрилинейное экзогамное подразделение, отождествляемое обычно с родом.

⁹ Сеок-карындаш — родственный сеок («карындаш» — дословно «единоутробный»).

¹⁰ Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М., 1983. С. 56.

¹¹ Гершельман Э. Указ. раб. С. 136; Дыренкова Н. П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 253; Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936. С. 29. Тоцакова Е. М. Указ. раб. С. 82; Шатинова Н. И. Указ. раб. С. 35—38; Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Барнаул, 1900. С. 107.

¹² Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. С. 158.

¹³ Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989 (впервые опубликовано на нем. яз. в 1884 г.). С. 177.

¹⁴ Архив Горно-Алт. НИИ ист., яз. и лит. Фольклорные материалы. № 297. Л. 47.

¹⁵ Здесь и далее перевод автора статьи.

¹⁶ Архив ГАНИИ ИЯЛ.ФМ. № 297. Л. 4.

¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же.
²⁰ Смирнова Я. С. К типологии обычаев умыкания // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 268.
²¹ См., например, Старынкевич И. Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии // Сб. МАЭ. Л., 1930. Т. IX. С. 215—235.
²² Тайлор Э. О методике исследования развития учреждений // ЭО. 1890. № 2. С. 16—18, 25—26; Максимов А. Н. Что сделано по истории семьи? М., 1901. С. 153; Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 166.
²³ Токарев С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1952. С. 132.
²⁴ Гершельман Э. Указ. раб. С. 136.
²⁵ Швецов С. П. Указ. раб. С. 110.
²⁶ Дыренкова Н. П. Род, классификационная система родства... С. 254.
²⁷ Радлов В. В. Указ. раб. С. 151; Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 104—105.

Modes of Marriage and Ritual Behaviour of the South Altaians (Late 19th century — Early 20th century)

The article is devoted to Altaians — the common name for Altai-Kizhy and Telengit ethnic groups — and contains the results of the field work among these groups of South Ural in 1987—1990. Only two modes of marriage were found. The earliest type is the marriage by agreement between the parents of the bride and those of the bridegroom. The tradition of Kuyulep Iyurer (living like a son-in-law before wedding) is a survival of the matrilocal marriage. The latest form is a marriage by capture.

N. A. Tadina